
Математические соревнования

Дела давно минувших дней

Д. В. Фомин

Уже много десятков лет почти в каждом предисловии к очередному сборнику задач математических олимпиад принято писать, что первое официальное математическое соревнование для школьников было проведено в Венгрии в 1894 году. А именно, в том году выпускникам средних школ и гимназий в первый раз было предложено принять участие в математическом конкурсе, организованном Венгерским физико-математическим обществом и научно-популярным журналом для старшеклассников «KÖZÉPISKOLAI MATEMATIKAI ÉS FIZIKAI LAPOK». По всей стране на соревнование пришли 54 гимназиста, но только 29 участников сдали свои работы. Из них лишь в восьми была правильно решена хотя бы одна задача (двое участников решили все три задачи)¹⁾. Вот так начался знаменитый конкурс Этвёша — Кюршака²⁾.

Был похожий конкурс и в дореволюционной России. Начиная с 1884 года в России издавался «Журнал Элементарной Математики» (его редактором был профессор Киевского университета В. П. Ермаков), преемником которого в 1886 году стал популярный журнал «Вестник Опытной Физики и Элементарной Математики» (первым

¹⁾ Эти сведения почерпнуты из статьи [20]. См. также книги [8, 18, 19].

²⁾ Такое имя дано в честь двух венгерских учёных, внёсших большой вклад в организацию и проведение этого мероприятия. До 1943 года соревнование называлось конкурсом Этвёша в честь известного венгерского физика Лорана Этвёша, бывшего в 1894 году президентом Венгерского физико-математического общества; после второй мировой войны оно возобновилось как конкурс Кюршака, названное так в честь венгерского математика и педагога Йозефа Кюршака.

Лоран Этвёш
(1848–1919)

Йозеф Кюршак
(1864–1933)

редактором и издателем которого стал энтузиаст элементарной физики и математики, киевский и одесский педагог Э. К. Шпачинский). В каждом номере журнала (а они выходили дважды в месяц!) публиковались задачи для решения читателями, а победители конкурса «задач на премию» награждались книгами по математике и физике. Там же, начиная с 1887 года, отдельно публиковались задачи для школьников³⁾.

Однако хотя оба этих математических конкурса имели одну и ту же целевую аудиторию (школьников старших классов или гимназистов), и оба публиковались в научно-популярном журнале, у них было несколько крайне существенных отличий.

Во-первых, у конкурса Этвёша было жюри, состоявшее из профессиональных математиков и учителей. Они не только составляли задачи для каждого конкурса, но и проверяли присылаемые им работы. Задачи же, предлагаемые для школьного конкурса «Вестника», присылали в редакцию журнала читатели, а проверкой занимались, судя по всему, его редактор и привлекаемые им знакомые энтузиасты.

Во-вторых, конкурс Этвёша имел очень строго определённый формат — все решения должны были быть написаны в определённый день (под контролем учителей местных гимназий), присланы в Будапешт

³⁾ Краткий обзор истории этих двух замечательных журналов можно прочитать в статье [3].

до указанного срока, задач всегда было три, а победителей — двое (им присуждались соответственно первый и второй приз конкурса). Что касается конкурса «Вестника», то школьники решали эти задачи дома, на протяжении как минимум нескольких дней, а то и недель.

В-третьих, имелась содержательная разница в возможности участия в этих конкурсах. Чтобы участвовать в конкурсе Этвёша, выпускнику гимназии не достаточно было лишь личного желания, ввиду формальных требований по проведению соревнования на местах. Конкурс «Вестника» был в этом смысле более доступен, но участнику необходимо было где-то раздобыть (купить или одолжить) очередной номер журнала.

В-четвёртых, конкурс «Вестника» был довольно-таки неформальным событием, очень близким по стилю к конкурсу «Задачника „Кванта“». Не было и официальных наград — за исключением того, что, подводя итоги года, редакция «Вестника» присылала победителям несколько научно-популярных книжек. А вот у конкурса Этвёша, помимо чёткой структуры, имелась и содержательная официальная компонента — победитель получал не только приз Венгерского физико-математического общества (вместе с определённой суммой денег!), но и право поступления на факультет естественных наук Будапештского университета. В дальнейшем, когда количество участников многократно возросло, это право (или как минимум рекомендацию на поступление) стали присуждать школьникам, написавшим десять лучших работ.

Короче говоря, если какое-то из этих двух соревнований и имело формальное право называться школьной математической олимпиадой (хотя и заочной), то это был, конечно, конкурс Этвёша.

Стоит подчеркнуть, что «Вестник», хотя и издавался в Киеве, а потом в Одессе, никак не был провинциальным журналом. Он имел воистину всероссийский охват. Так, в статье [5] в качестве типичного примера приводится выпуск № 560 за 1912 год. Задачи для этого номера журнала были присланы из Одессы, Самары и Ставрополя, а решения — предложены читателями из Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Астрахани, Варшавы, Одессы, Армавира, Лодзи и Стерлитамака. Популярность «Вестника» по всей стране была такова, что и через много лет после того, как журнал прекратил своё существование, его номера всё ещё можно было обнаружить в библиотеках практически всех крупных городов России.

В некоторых русскоязычных источниках (например, в статье История олимпиадного движения) указывается также, что якобы в самом конце XIX века Русское Астрономическое Общество провело несколько

В. П. Ермаков
(1845–1922)

Э. К. Шпачинский
(1848–1912)

ежегодных конкурсов по астрономии для «учащейся молодёжи». В двух статьях приводилась ссылка на книгу [9], но в ней не удалось обнаружить какого-либо упоминания об олимпиадах или конкурсах. Заинтересовавшись этим любопытным вопросом, я обратился к знакомым астрономам, непосредственно вовлечённым в школьные астрономические олимпиады.

Одному из них удалось разыскать автора этого утверждения. Им оказался российский учёный М. Г. Гаврилов, известный активным участием в организации самых первых российских олимпиад по астрономии. По его воспоминаниям, он наткнулся на обсуждение этих конкурсов в одной из дореволюционных книг по астрономии, обнаруженных им в букинистическом магазине⁴⁾. Увы, на данный момент искомая книга (и соответствующая доказательная ссылка) всё ещё не найдена, и предположение о наличии дореволюционных астрономических конкурсов для «учащейся молодёжи» так и остаётся неподтверждённым.

Однако предпринятые мной исследования не пропали втуне. Изучая гипотезу о проведении соревнований российских школьников в XIX веке,

⁴⁾ В таком случае, наиболее правдоподобным источником данной ссылки является либо номер «Известий Русского Астрономического Общества» (которые, нерегулярно и с пропусками, публиковались с 1892 по 1927 год), либо, что менее вероятно, один из «Астрономических Ежегодников» того же общества (такие альманахи издавались РАО начиная с 1909 года).

ваш покорный слуга почти случайно наткнулся на гораздо более любопытный (я бы даже сказал, шокирующий!) факт. Оказывается, что первое в мире⁵⁾ математическое соревнование для школьников старших классов, проведённое совершенно официально (на общегородском уровне), состоялось совсем даже не в Венгрии... а как вы думаете, где? Ну конечно же — в Санкт-Петербурге! И в данном случае у нас имеется более чем достаточно доказательств в виде исторических документов и публикаций, в которые может заглянуть буквально любой недоверчивый читатель.

* * *

Итак, давным-давно, в незапамятные времена, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве, повелел царь-батюшка устроить игрища — да не простые, а особые. Надоели государю увеселения с балалаечниками да медведями, лучниками да богатырями, где добры молодцы удалью и силой меряются. Приказал он взамен того собрать без промедления вьюношей самых сообразительных да начитанных, чтоб найти тех, кто умом и смекалкою вышел лучше остальных...

Другими словами, случилось вот что. Почти двести лет назад, а именно в 1840 году, казалось бы совершенно неожиданно, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа постановил устроить «конкурсное состязание» между учениками городских гимназий (т. е., пользуясь нынешней терминологией, между старшеклассниками).

Вот что пишет по этому поводу монах-летописец... прошу прощения, имеется в виду, конечно же, Николай Милиевич Аничков, автор хроники истории Третьей Санкт-Петербургской гимназии, опубликованной в столице империи всего лишь полтора века назад, в 1873 году⁶⁾.

«Во 2-х, во время годичных испытаний 41 г. последовало распоряжение попечителя округа кн. Г. П. Волконского устроить конкурс между учениками всех гимназий. Для этого назначены были темы по русскому языку для трёх учеников VII класса, по латинскому языку для стольких же учеников VI класса, по истории для V и по алгебре для IV класса. Все ученики собирались в университет и там

⁵⁾ Разве что какой-нибудь дотошный исследователь предъявит нам доказательства проведения официальных школьных математических олимпиад в наполеоновской Франции.

⁶⁾ И здесь, и далее, ради удобства читателей, мы будем «переводить» старую российскую орфографию на современный русский язык, избавляясь от ятей, ёров, букв і и некоторых других особенностей русского правописания до 1918 года.

писали под наблюдением окружного инспектора П. П. Максимовича, при чём не могли пользоваться никакими посторонними пособиями, исключая словарей для переводов. Приготовленные таким образом сочинения или переводы рассматривались профессорами и, по определению их, составителям лучших статей выдавались награды книгами, похвальными листами. По каждому предмету назначалось четыре премии и всех наград ежегодно раздавалось 16. Такие конкурсы продолжались три года (41–43), т. е., роздано было 48 наград, из которых 19 пришлось на 3-ю гимназию. Всех учеников нашей гимназии было на конкурсе за всё время 40 человек, таким образом, половина из них получила награду».

Н. М. Аничков [1, с. 156–157].

В этих воспоминаниях, однако, имеются две содержательные ошибки. Первая (и это подтверждается всеми остальными хрониками и документами) состоит в том, что указанные конкурсы начались в 1840 году, т. е. на год раньше, чем написано у Н. М. Аничкова. Вторая

ошибка — в персоне тогдашнего попечителя округа (в современной терминологии, его можно было бы назвать министром народного образования северо-западного региона Российской империи).

кн. М. А. Дондуков
(1794–1869)

На этом ответственном посту в том году находился не кто иной, как князь Михаил Александрович Дондуков-Корсаков, надолго запомнившийся потомкам почти исключительно как герой не очень приличной эпиграммы, принадлежащей перу А. С. Пушкина. Поэт был весьма раздражён цензорским надзором (князь Дондуков одновременно исполнял ещё и обязанности столичного цензора), который, с его точки зрения, противоречил обещанию, данному ему императором Николаем I.

Известно однако, что когда впоследствии Пушкин лично познакомился с князем, то поменял своё мнение о нём к лучшему (кстати, младший брат князя, умерший в двадцатилетнем возрасте Николай Корсаков, был одноклассником Пушкина по лицу).

Неужто в светлейшую голову пришла такая замечательная идея? Более вероятно, что инициативу проявили профессора императорско-

го университета. Надо, однако, отдать должное князю Дондукову — он поддержал «революционную» инициативу, и, судя по всему, принял необходимые меры к тому, чтобы эксперимент увенчался успехом. Да и вообще князя Михаила Александровича никак нельзя было назвать бесполезным государственным функционером — так, например, именно он положил начало процессу ревизии и унификации гимназических программ. По его предписанию, начиная с 1837 года, директора всех гимназий Северо-Запада должны были ежегодно составлять подробные программы по каждому предмету гимназического курса, а затем присылать их в управление попечителя, после чего эти документы передавались на рассмотрение Учёного совета Санкт-Петербургского университета. На протяжении нескольких лет совет накапливал все замечания, отзывы и предложения, высказанные профессорами. Наконец, в 1842 году были подведены итоги, и окончательные замечания университетского совета были «приняты к соображению» для внесения соответствующих изменений в гимназические программы.

Приведём теперь цитату из другого источника (на этот раз от хронистов Второй Санкт-Петербургской гимназии).

«В министерство Уварова⁷⁾, с целью возбудить соревнование не только между учащимися, но и между учителями и директорами, а также для того, чтобы ознакомить родителей и публику с успехами молодых людей, были устраиваемы конкурсные испытания учеников Петербургских гимназий.

В 1840 году, вследствие предложения Министра Народного Просвещения от 2 мая того же года, установлен был в виде опыта для учеников Петербургских четырёх гимназий общий конкурс на следующих основаниях, утверждённых Министром: конкурс устанавливается для учеников четырёх верхних классов по общим предметам, преподаваемых в сих классах. Для этого директор каждой гимназии избирает по своему усмотрению трёх воспитанников из каждого класса, которые в известное время собираются в одну гимназию по назначению. Для каждого класса назначается один общий предмет, напр. для VII класса русская словесность, и воспитанники всех четырёх гимназий пишут под надзором гувернёра в продолжении трёх или четырёх часов свои сочинения на присланную от попечителя к сему времени тему по предмету конкурса. Сочинения их

⁷⁾ Сергей Семёнович Уваров (1786–1855) — российский государственный деятель, министр народного просвещения при Николае I, президент Петербургской академии наук.

представляются попечителю, который отделив написанное имя сочинителя с назначением соответствующего номера, передаёт все сочинения стороннему для гимназии профессору или другому лицу по принадлежности предмета для рассмотрения достоинства каждого. По получении отзывов от профессоров, попечитель объявляет об учениках, удостоившихся премии. Наград этих не должно быть более четырёх для каждого класса, в том числе две книги и два похвальных листа».

А. В. Курганович, А. О. Круглый [7, с. 371–372].

Более или менее аналогичные упоминания об этих конкурсах для гимназистов Санкт-Петербурга (точнее, для учеников четырёх старших классов) встречаются в хрониках всех столичных гимназий первой половины XIX века. Об этом же пишет и Георг (Егор) Карлович Шмид в своём обзоре российских средних школ:

«Здесь следует также упомянуть о предписанном (в 1840–1842 годах) для С.-Петербургского учебного округа правиле, чтобы по 4 ученика IV–VII классов всех столичных гимназий во время годовичных экзаменов составляли в университетской зале сочинения на заданные им по разным предметам темы под наблюдением окружного инспектора. Эти конкурсные работы поступали потом к профессорам на просмотр и наиболее отличившиеся награждались книгами и похвальными листами.

<...>

Конкурс заканчивался публичным актом, на котором прочитывался общий отчёт о состоянии всех С.-Петербургских гимназий».

Е. К. Шмид [17, с. 320–321].

Перед нами не что иное, как **официальная очная** (в отличие от заочных конкурсов типа Этвёша — Кюршака или «Вестника») **городская предметная олимпиада** для всех старшеклассников столицы империи, города Санкт-Петербурга. Мало того, её правила и логистика практически идентичны тем, которыми мы пользуемся в наши дни.

Как следует из более подробного изучения первоисточников (см. книги [1, 7, 12, 17]), конкурсы проходили три года подряд (1840–1842). После завершения учебного года каждая гимназия посылала на городскую олимпиаду свою команду — по три (или четыре, в 1842 году) участника по каждому из четырёх предметов.

По результатам проверки работ выдавалось четыре премии лучшим участникам. Это были две книги (первый и второй призы) и две похвальные грамоты.

В 1840 году предметами были: алгебра, всеобщая история, латынь и русская словесность. Само соревнование проходило во Второй гимназии 4 и 7 июня (первый день — для IV, V и VI классов, второй день — для VII класса). Награждение было проведено 22 июня в университете (все даты указаны по старому стилю).

В 1841 году соревнования проведены по алгебре, всеобщей истории, латыни и русской истории. Конкурс проводился в здании Санкт-Петербургского университета 5 и 6 июня, награждение — 23 июня.

В 1842 году — геометрия, латынь, греческий язык и русская словесность. Соревнование проходило в здании Санкт-Петербургского университета 4 и 5 июня.

Для нас с вами важно то, что эти четыре предмета всегда включали в себя математическую дисциплину. А именно, ученики IV класса (примерно 8–9 классы нынешней российской школы) писали работы по алгебре и геометрии, ученики V класса соревновались во всеобщей истории, VI класс — в латыни и VII класс — в русской словесности или истории.

Всего за три года было выдано 48 премий — 3 года по 4 предмета и по 4 премии по каждому предмету.

Из этих 48 премий — одна была завоёвана учениками Первой гимназии, 20 — учениками Второй гимназии, 19 — учениками Третьей гимназии, и соответственно, 8 — учениками Четвёртой (Ларинской) гимназии.

К сожалению, только для Первой и Второй гимназий нам известны полные списки победителей и призёров всех олимпиад. Для Четвёртой гимназии известны дипломанты только самого первого конкурса.

«В 1840 году, по приказанию г.министра Народного Просвещения, был общий конкурс для учеников четырёх старших классов всех гимназий. В этом конкурсе ученики Ларинской гимназии отличились в особенности по части истории и математики. Воспитанник Щедрин 1-й получил первую премию, Мошин — вторую, за историю; Григорьев (впоследствии преподаватель и инспектор той же гимназии) — третью премию за математику».

К. М. Блумберг, В. П. Острогорский [2, с. 18].

В гимназических хрониках можно также прочесть и о деталях организации и проведения городских соревнований — вплоть до таких тонкостей, как использование специальной бумаги, на которой участники писали свои работы (её присылали из офиса попечителя

округа); видимо, таким образом предпринималась попытка предотвратить возможное списывание.

«Темы и задачи для конкурса присылались запечатанными и объявлялись, когда ученики, избранные для состязания, были собраны вместе. Во 2-й гимназии конкурс происходил 4 и 7 июня; ученики исполняли заданные работы от 10¹/₂ до 12¹/₂ ч утром и после обеда до 5 ч, после чего директор отбирал их, и, запечатав, отсылал к попечителю. В конкурсе этом принимали участие следующие ученики:

По алгебре, 4 класса: Глазунов Иван, Медников Фёдор, Тимофеев Константин.

<...>

По окончании конкурса происходил торжественный акт четырёх гимназий 22 июня в присутствии высшего начальства и публики. Из учеников 2-й гимназии были удостоены награды следующие: по алгебре 2-й премии воспитанник IV класса Фёдор Медников, и 4-й премии воспитанник того же класса Константин Тимофеев».

А. В. Курганович, А. О. Круглый [7, с. 31].

Судя по всему, на математических конкурсах успешнее других учебных заведений выступала Третья гимназия. К большому сожалению, хроника этой школы приводит лишь общую статистику, но не содержит никаких имён.

* * *

Теперь давайте разберёмся, а что собственно представлял собой в 40-е годы XIX века Санкт-Петербургский учебный округ, сколько в столице было гимназий, каков был их охват — много ли было гимназистов, из каких слоёв населения и так далее.

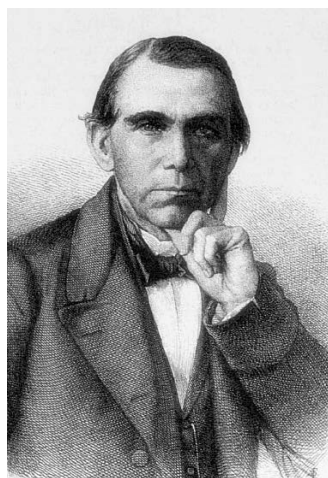
Столичный учебный округ охватывал весь Северо-Запад Российской империи. По указу императора Николая I от 12 января 1831 года в дополнение к Санкт-Петербургской губернии в него были включены также Новгородская, Псковская, Вологодская, Олонецкая и Архангельская губернии. До 1835 года округ управлялся так называемым *училищным* комитетом при Санкт-Петербургском университете. Однако, начиная с 25 июня 1835 года, когда было принято новое положение об учебных округах, практически все руководящие функции были переданы попечителю округа. Университетское начальство (в первую очередь, его ректор) с этого момента заведовало исключительно образованием на уровне высших учебных заведений столицы и окрестностей.

Попечителем Санкт-Петербургского округа в это время был уже упомянутый нами выше князь Дондуков-Корсаков, исполнявший эти обязанности с 30 апреля 1832 года по 7 мая 1842 года. Таким образом, практически всем образованием в столице руководили два человека — князь Дондуков и ректор Санкт-Петербургского университета, действительный статский советник, литературный критик и поэт, профессор русской словесности, в прошлом близкий друг Пушкина Пётр Александрович Плетнёв, занимавший этот пост на протяжении двадцати лет. Как ректор столичного университета, он также входил в попечительский совет, одной из задач которого была работа по улучшению системы среднего образования.

По воспоминаниям современников, эти два человека уважали друг друга, а также имели довольно схожие взгляды на образование. Поэтому весьма вероятно, что инициатива проведения олимпиадных конкурсов исходила либо от самого Плетнёва, либо от окружавших его университетских профессоров. Об активном участии ректора в проведении конкурса упоминается и в одной из хроник, где сообщается, что *«управлявший в то время Петербургским учебным округом, ректор университета Плетнёв просил Постельса не оставить личным вниманием этого дела и наблюдать за порядком всего конкурса»*⁸⁾.

Упомянем для полноты картины, что в интересующие нас годы математику в Санкт-Петербургском университете преподавали заведующий кафедрой чистой и прикладной математики профессор Дмитрий Семёнович Чижов, профессор Викентий Александрович Анкудович и доцент Фёдор Васильевич Чижов⁹⁾.

Интересно отметить, что безусловный лидер российских математиков того времени, академик Михаил Васильевич Остроградский, в университете не преподавал — с него вполне хватало лекций в Институте

П. А. Плетнёв
(1792–1865)

⁸⁾ См. [7, с. 372]. Тут допущена ошибка; после 1835 года ректор уже не управлял делами учебного округа. Упомянутый здесь А. Ф. Постельс служил в те годы директором Второй гимназии.

⁹⁾ На самом деле их звания были «ординарный профессор», «экстраординарный профессор» и «адъюнкт»; здесь я пользуюсь их весьма приблизительными современными аналогами.

Первая Санкт-Петербургская гимназия (Ивановская улица, д. 7)

корпуса инженеров путей сообщения, Главном педагогическом институте и Главном инженерном училище.

Но вернёмся к системе российских гимназий того времени. В 1831 году Санкт-Петербургские гимназии были преобразованы в семилетние учебные заведения (до того продолжительность курса в них составляла лишь четыре года). Теперь первые три года школьники учились в обычной гимназии, в уездном или приходском училище, и лишь затем наиболее достойные (и подходящие по социальному происхождению) ребята¹⁰⁾ могли при желании перейти в классическую или реальную гимназию, дабы за четыре дополнительных года получить там более глубокое образование¹¹⁾.

Возраст гимназистов в каждом конкретном классе варьировался — бывало, что учеников оставляли в том же классе на второй год — но нам достаточно знать, что средний возраст выпускников гимназий (т. е. гимназистов, закончивших седьмой класс и сдавших выпускные экзамены) в то время равнялся приблизительно 17–18 годам. Таким

¹⁰⁾ Это не опечатка: до 1858 года в российских гимназиях могли учиться только мальчики.

¹¹⁾ Разница между двумя типами гимназий была весьма проста и заключалась в наличии или отсутствии в программе школы древних языков — латыни и древнегреческого.

Вторая Санкт-Петербургская гимназия (Казанская улица, д. 27)

образом, скажем, средний возраст участников олимпиады по алгебре (учеников четвёртых классов Санкт-Петербургских гимназий) равнялся примерно 14 годам, что соответствует нынешнему восьмому или девятому классу российской средней школы.

Сколько же гимназий было в стольном граде Петербурге? Для подсчёта хватит пальцев одной руки — ведь в эти годы (1840–1842) во всей столице было всего-навсего четыре таких образовательных учреждения (пятая гимназия открылась в 1845 году).

При том, что население города составляло примерно 470 тысяч, во всех четырёх гимназиях училось всего-навсего около девятисот (900 !) гимназистов¹²⁾. Кстати, во всей Российской империи в это время жило примерно 52 миллиона людей.

Первая гимназия (бывший Благородный Пансион) обучала только потомственных дворян, Вторая (бывшая Губернская гимназия) — детей чиновников и мелкого дворянства, не принадлежавшего к императорскому двору, а также купцов и разночинцев, Третья и Четвёртая (она же — Ларинская гимназия) теоретически принимали детей всех сословий — но в то же время обучение было, вообще говоря, платным.

¹²⁾ Данные взяты из книги [4, с. 119].

Третья Санкт-Петербургская гимназия (Гагаринская улица, д. 23)

Шансов поступить в одну из этих гимназий у сына прачки, извозчика, заводского рабочего или крестьянина было крайне мало.

При этом заканчивало гимназии на порядок меньше учеников, нежели в них училось. Так, например, в 1840–42 годах все петербургские гимназии выпускали порядка 40 человек в год. Только представьте себе, какое это мизерное количество для полумиллионного города, являющегося столицей огромной империи. Во всём Северо-Западе России насчитывалось порядка 80–100 выпускников в год, что и не удивительно, учитывая, что на огромной территории Санкт-Петербургской, Новгородской, Вологодской, Псковской, Олонецкой и Архангельской губерний (с общим населением примерно 3,5 миллиона) имелось на тот момент всего 9 (!) гимназий. При этом, конечно же, подавляющее большинство гимназистов-выпускников происходило из семей дворян или государственных чиновников.

Приведём ещё одну интересную цитату, на этот раз из хроники Первой гимназии:

«...два воспитанника: Филипп Депп и Николай Кауфман по всем предметам, не исключая и греческого языка, обучались столь успешно, что, по окончании испытаний, определением Совета Гимназии удостоены были награждения, первый золотую, а второй серебря-

Ларинская Санкт-Петербургская гимназия
(Шестая линия Васильевского острова, д. 15)

ной медалью. Событие это... особенно замечательно для Первой гимназии тем, что это было первое со времени открытия Гимназии присуждение подобного рода наград. Кроме того, первый из вышеозначенных лауреатов помимо медали удостоился другого, ещё более почётного отличия: в этом году (1840) в день публичного акта, по распоряжению высшего начальства, происходила раздача премий за сочинение на темы, которые даны были согласно предложению Попечителя Округа князя Дондукова-Корсакова на конкурс для всех четырёх петербургских гимназий, и воспитанник Депп получил вторую премию по русской истории».

Д. Н. Соловьёв [12, с. 195].

О чём же здесь идёт речь? В первую очередь о том, что по результатам выпускных экзаменов Первой гимназии 1840 года два школьника были награждены золотой и серебряной медалью. Также сообщается, что в предыдущие годы ни один из выпускников Первой гимназии таких наград не удостоивался — т. е. это было, безусловно, весьма примечательное для гимназии достижение. Но при всём при этом

оказывается, что второе место на городской олимпиаде по русской истории, которое завоевал один из гимназистов (Филипп Депп), рассматривалось тогда как награда, более престижная, чем упомянутая золотая медаль.

Нам, увы, очень мало известно о дальнейшей судьбе участников этих соревнований. А жаль — было бы, безусловно, очень интересно узнать, что вышло, например, из трёхкратного дипломанта первых олимпиад, воспитанника 2-й гимназии Петра Мозжечкова. Этот «вундеркинд» был награждён в 1841 году I-й премией по алгебре, а в 1842 году — III-й премией по геометрии и I-й премией по русскому языку.

Другим многократным призёром первых олимпиад был выпускник 1843 года той же Второй гимназии Константин Тимофеев (1827–1881), завоёвывавший премию той или иной степени все три года подряд — IV премия по алгебре в 1840 году, III премия по всеобщей истории на конкурсе 1841 года и, наконец, III премия по русскому языку в 1842 году. После окончания гимназии он поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, закончив его четырьмя годами позже со степенью кандидата и с золотой медалью. Преподавал русскую словесность в Петербургском Смольном институте (а также в Театральном и Строительном училищах), дослужившись до звания действительного статского советника. Опубликовал большое количество литературной критики, многочисленные статьи и книги по педагогике и истории литературы.

«Истинным другом нашим был инспектор классов Тимофеев. Он преподавал нам в первом классе литературу. Любил нас и русских поэтов и писателей всей душой. Державина, Жуковского и Пушкина декламировал не иначе как со слезами на глазах. Не зная ему урока и не любить любимых им писателей значило обидеть его до глубины души, на что мы, конечно, никогда не решались. Чтобы сделать ему удовольствие и получить от него похвалу, мы выучивали наизусть целые поэмы, и некоторые воспитанницы декламировали очень хорошо».

А. С. Ешевская, воспитанница
Смольного института [16, с. 207].

Ещё одно яркое исключение — четвероклассник Иван Глазунов, член «команды» Второй гимназии по алгебре на конкурсе 1840 года. Это не кто иной, как будущий городской голова (мэр) Санкт-Петербурга Иван Ильич Глазунов, известный российский общественный деятель, филантроп, издатель, тайный советник. Возглавляемая им книго-

торговая фирма издавала школьные учебники, труды отечественных педагогов, классическую русскую литературу XIX века. Был городским головой столицы империи в 1881–1885 годах, посвятил много времени и сил общественной и благотворительной деятельности.

* * *

Итак, подведём итоги. Более 180 лет назад Санкт-Петербургский «отдел народного образования» вместе с профессорами столичного университета на протяжении трёх лет проводил городскую олимпиаду по четырём предметам школьной программы (в очном письменном формате). Совершенно очевидно, что имелось и намерение и возможность проводить это соревнование каждый год. Увы, конкурс 1842 года оказался последним — скорее всего потому, что вскоре сменился попечитель учебного округа. Новый начальник, бывший заместитель М. А. Дондукова-Корсакова, князь Григорий Петрович Волконский, видимо, не проявил того же интереса к «возбуждению» соревновательного духа, какой был выказан его предшественником. Лишённый государственной поддержки и начальственного одобрения, замечательный эксперимент сошёл на нет.

Вполне возможно, что результаты этих первых городских «олимпиад», равно как и сами конкурсные темы и задачи, до сих пор хранятся где-то в запylённых папках Центрального государственного архива в Санкт-Петербурге. На данный момент автор не имеет возможности обратиться туда лично — приходится лишь надеяться на то, что рано или поздно кто-то предпримет и успешно завершит необходимые архивно-исторические раскопки.

* * *

Хотелось бы подчеркнуть, что на самом деле не так уж и важно, какая именно страна или город получит право гордиться проведением первых школьных олимпиад. Несмотря на это, знать отечественную историю не только интересно и полезно, но и необходимо — как минимум для того, чтобы учиться на достижениях и ошибках наших предшественников.

И. И. Глазунов (1826–1889)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Аничковъ Н. М.* Историческая записка пятидесятилѣтія третьей Санкт-Петербургской гимназіи. СПб.: Типографія Э. Арнгольда, Литейная, 59, 1873.
- [2] *Блумбергъ К. М., Острогорскій В. П.* Пятидесятилѣтіе С.-Петербургской Ларинской гимназіи (1836–1886). СПб.: Типографія М. М. Стасюлевича, 1886.
- [3] *Бусев В. М.* К биографии «Вестника опытной физики и элементарной математики» // Труды IV Международных Колмогоровских чтений. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2011. С. 283–287.
- [4] *Вороновъ А. С.* Историческо-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С. Петербургскаго учебнаго округа съ 1829 по 1853 годъ. СПб.: Типографія Якова Трея, 1854.
- [5] *Гушель Р. З.* «Вестник опытной физики и элементарной математики» — один из предшественников журнала «Математика в школе» // Труды II Международных Колмогоровских чтений. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2004. С. 119–127.
- [6] Задачи, предлагавшіеся на 1-й и 2-й арифметических олимпиадах. Л.: ЛГУ, 1936.
- [7] *Кургановичъ А. В., Круглый А. О.* Историческая записка 75-лѣтія С.-Петербургской второй гимназіи. Часть вторая (1831–1880). СПб.: Типографія Э. Арнгольда, 1894.
- [8] *Кюршак Й., Нейкомм Д., Хайош Д., Шурани Я.* Венгерские математические олимпиады. М.: Мир, 1976.
- [9] *Луцкий В. К.* История астрономических общественных организаций в СССР (1988–1941). М.: Наука, 1982.
- [10] *Синкевич Г. И., Назаров А. И. (ред.)* Математический Петербург. История, наука, достопримечательности. СПб.: Образовательные Проекты, 2018.
- [11] *Соколов Н. А. и др.* Петербургская б. третья гимназия (ныне 13-я советская трудовая школа). За 100 лет. Воспоминания, статьи и материалы. Петроград: Петрооблит, 1923.
- [12] *Соловьевъ Д. Н.* Пятидесятилетіе С.-Петербургской первой гимназіи (1830–1880). СПб.: Типографія Втораго отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, 1880.
- [13] Труды 1-го Всероссийскаго съѣзда преподавателей математики. СПб.: Типографія «Сѣверъ», Невскій пр. 140–2, 1913.
- [14] *Фихтенгольц Г. М., Житомирскій О. К., Кречмар В. А., Тартаковский В. А. (ред.)*. Сборник материалов для школьных математических кружков. Л.: Изд-во Ленгороно, 1941.

- [15] Фомин Д. В. Ленинградские математические олимпиады. Исторические очерки. <https://www.pdmi.ras.ru/~olymp/general.html#history>.
- [16] Ешевская А. С. и др. Смольный институт. Дневники воспитанниц. М.: «ТД Алгоритм», 2017.
- [17] Шмид Е. К. История средних учебных заведений в России. Приложение к Журналу Министерства народного просвещения. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1878.
- [18] Hajós G., Neukomm G., Surányi J. Hungarian Problem Book I. Washington, DC: The Mathematical Association of America, 1963.
- [19] Hajós G., Neukomm G., Surányi J. Hungarian Problem Book II. Washington, DC: The Mathematical Association of America, 1968.
- [20] Wieschenberg A. A. The Birth of the Eötvös Competition // The College Mathematics Journal. 1990. Vol. 21, № 4. P. 286–293.